

будет выпит; обычно заранее неизвестно. Это тоже АДВ (подробнее — см. [Попов 2008]).

4.4. Согласование в числе препозитивного сказуемого с однородными подлежащими

При сочетании препозитивного сказуемого с однородными подлежащими (особенно неодушевленными) древнерусский синтаксис демонстрирует в основном ПВ: сказуемое согласуется в ед. ч. с первым (то есть ближайшим к нему) подлежащим, если оно тоже имеет форму ед. ч., словно не замечает следующее за ним второе подлежащее, позволяющее понять, что раз подлежащих два, то семантико-грамматически это уже больше одного (примеры см. ниже).

А.А. Шахматов допускает и мн. ч. сказуемого в таких случаях, видя в этом «согласованность не грамматическую, а смысловую» [Шахматов 1941: 253–254]. Из этого следует, что согласование сказуемого с одно-

родными подлежащими в ед. ч. А.А. Шахматов считает грамматическим, что вряд ли корректно, поскольку такое согласование наблюдается только с первым, то есть ближайшим, подлежащим, в то время как второе (третье и т. д.) по перцептивному закону близости просто не воспринимается. Грамматичность при таком понимании выглядит весьма избирательной.

Л.А. Булаховский говорит о ед. ч. сказуемого в таких случаях, но осознает его неестественность: «В языке Летописи (Повести врем. лет) сказуемое перед двумя подлежащими употребляется в единственном числе, т. е. как бы согласуется только с первым подлежащим: *И рече Свенелд и Асмолд...* Наоборот, в постпозитивном употреблении в подобных случаях ожидаемое двойственное число: *Святополк и Володимер посла-ста к Олгови*» [Булаховский 1958: 316].

Ф.И. Буслаев, приведя пушкинские примеры употребления формы ед. ч. сказуемого перед однородными подлежащими: *исчезла ревность и досада; поднялся в поле треск и звон; был слышен падших скорбный стон и русских витязей молитвы*, — замечает: «Так свойственно нашей речи это согласование, что в большей части приведенных здесь примеров было бы весьма неприятно слуху и противно употреблению мн. число сказуемого, хотя и согласное с законами логического сочетания понятий. Особенно необходимо единственное число сказуемого при двух или нескольких подлежащих синонимических; напр., «и будет тогда тебе великий срам и стыд», Жук.» [Буслаев 1959: 447]. Показательно, что Ф.И. Буслаев, нередко упрекаемый в чрезмерном логицизме, в данном случае не только не настаивает на логичной форме мн. ч. сказуемого, но и считает нормальным логически неприемлемый плеоназм *срам и стыд*, хотя из него он именно логическим путем выводит, что ед. ч. здесь нужно потому, что у слов *срам* и *стыд* (ср. с приведенными выше *пьяницей и пропойцей*, а также с отрывком из «Мойдодыра» К.И. Чуковского: *а нечистым трубочистам — стыд и срам, стыд и срам*) — значение на самом деле одно.

М.В. Ломоносов в середине XVIII века считал допустимым ед. ч. сказуемого даже в постпозиции к однородным подлежащим: *взгляды, рѣчь и учтивость часто обольщает* [Ломоносов 1952: 556].

В.И. Чернышев высказывается по этой проблеме крайне осторожно: «При нескольких подлежащих сказуемое слитного предложения, по логическому смыслу речи, должно бы всегда стоять во множественном числе, но оно очень часто встречается и в единственном. Последнее употребление является неотъемлемым свойством нашей речи и никак не должно считаться неправильным» [Чернышев 1970¹: 590] (в данном случае В.И. Чернышев не признаёт идею эволюции языка, хотя обычно весьма активно отстаивает противоположную точку зрения — см. часть «Вместо введения»).

В современной письменной речи препозитивное сказуемое согласуется с однородными подлежащими только во мн. ч. (АИВ) — на этот факт еще в 1976 году указал В.А. Ицкович [ГИК: 39]. Однако рекомендация Д.Э. Розенталя употреблять сказуемое в единственном числе, если это сказуемое находится в препозиции к определяемым однородным подлежащим [Розенталь 1977: 209] (именно согласно этой рекомендации был использован пример *изучалась математика и химия*, показанный нами в части «Вместо введения» и первых трех главах), поддержанная его последователями [Солганик 2010: 198; Голуб 2007: 378–379; Бельчиков 2008: 246–247], продолжает существовать, смущая умы наблюдательных носителей русского языка, хотя примерами современной письменной речи, в частности из НКРЯ, почти не подтверждается. В устной речи ПВ в случае препозиции сказуемого более оправданно: начиная фразу со сказуемого, говорящий действительно не всегда может знать заранее, одно или не одно подлежащее ему понадобится: *Придет Петя... ах да, и Дима*.

4.5. Согласование в числе сказуемого с сочетанием именительного и творительного общности

Что касается сочетаний именительного с творительным общности (творительным социативным) при их согласовании в числе со сказуемым (в любой его позиции), например *Едет / едут отец с матерью; Иван с Петром пошел / пошли в кино*, то, по свидетельствам историков языка, «все словосочетание служило подлежащим, сказуемое согласовывалось с ним как правило во множественном числе» [Историческая грамматика... 1978: 23] (АИВ). Об этом сообщают также Ф.И. Буслаев и В.И. Чернышев [Буслаев 1959: 448; Чернышев 1970¹: 589–590]. О том же пишет А.Н. Стеценко, обращая внимание на то, что для ед. ч. сказуемого важно, чтобы «лицо, обозначаемое творительным падежом», являлось «второстепенным, сопутствующим первому» [Стеценко 1977: 52–53].

Такому, на первый взгляд — парадоксальному, древнерусскому явлению (*едет Иван и Петр, но едут Иван с Петром*) есть объяснение.

В первом случае — в конструкции с соединительным союзом *и* — говорящий недальновидно воспринимал лишь ближайшее подлежащее (ПВ) потому, что в дальнейшем союз *и* и следующее за ним другое подлежащее могут и не обнаружиться; более того, союз *и* может быть постпозитивным (см. об этом ниже) и вовсе не требовать после себя продолжения, то есть являться возможностью продолжения, реализация которой факультативна. С союзом *и* наблюдается и такая странность: «В поздних памятниках (XVI–XVII вв.) встретились любопытные слу-